

THE BOSPORUS AND SINDICE UNDER LEUCON I
(A Survey of New Epigraphical Publications)

S.R. Tokhtas'ev

I. The author returns to the analysis (see *Hyperboreus*. 1998. 4/2. P. 286–301; cf. SEG. XLVIII. 1027) of an epigram of the Bosporan tyrant Leucon I from the Semibratneye site (Labrys) on the occasion of Yu.G. Vinogradov's posthumous publication (VDI. 2002. № 3). Although Yu.G. Vinogradov accepted the most important of the author's readings, some of the interpretations suggested by him were erroneous, as the author strives to prove (see also A.J. Graham's observation above in I, n. 7). An awkward conjecture of F.V. Shelov-Kovedyayev, who edited Vinogradov's article, in the 2nd line is rejected. The inscription is analysed from the point of view of its language and style. As a historical source, the epigram is discussed in the second part of the article together with a new inscription from Nymphaeum.

II. As early as the end of the 5th c. BC (or even earlier) Bosporan tyrant Satyr I made Sindice Bosporus' vassal (Polyaen. VIII. 55). The Labrys epigram tells us about Leucon I, «archont of the Bosporus and Theodosia» helping Hecataeus, king of Sindoi, dethroned by his own son, obviously in order to take possession of Sindice *de jure*. A new votive inscription from Nymphaeum published by O.Yu. Sokolova and N.A. Pavlichenko (*Hyperboreus*. 2002. 8/1. P. 99–121) sheds new light on the further history of the forming of the Bosporan state in the 1st half of the 4th century BC. Leucon is called here «archont of the Bosporus, Theodosia, all Sindice, Toretai, Dandarioi, Psessoï» (the author believes that the epithet «all» (πάσα), is applied to Sindice for a greater expressiveness and implies in fact the land which belonged to Hecataeus). The author supposes that the neighbouring barbarians were annexed by a treaty (as ὑπόσπονδοι), and the power of their own kings was abolished, this fact explaining why Greek poleis and the barbarians were politically equal. No doubt, Leucon soon had to be disappointed in the possibility of governing barbarians in the same way as Greeks. According to the inscription CIRB 6a Sindoi were still under Leucon's rule as archont (1.5 leg. [τε καὶ Σινδοῶν κ]αί?), but for the rest of the barbarians he was a king. However, in the later inscriptions CIRB 6, 8, 1037, 1038 the standard formula appears: «Leucon, archont of the Bosporus and Theodosia, king of Sindoi, Toretai, etc.» The change in the political status of the barbarians was undoubtedly connected with their efforts to get free from the power of the Bosporus. The Greek cities of the Bosporus and Theodosia preserved their formal autonomy and citizenship, but the barbarians were turned into dependent population.

© 2004 г.

А. В. Короленков

СУЛЛА В СОЧИНЕНИЯХ САЛЛЮСТИЯ

В сочинениях Саллюстия перед нами проходит целая галерея образов: Катилина и Семпрония, Катон и Цезарь, Югурта и Бокх, Метелл и Марий. Но лишь один из них играет важную роль во всех трех трудах писателя – «Заговоре Катилины», «Югуртинской войне» и «Истории». Это Луций Корнелий Сулла. Его образ – один из самых противоречивых в произведениях историографа. Благоклонная характеристика будущего диктатора в «Югуртинской войне» совмещается с беспощадной критикой в остальных сочинениях.

Исследователи не раз обращались к этой проблеме. К. Бюхнер¹ и К. Вретска² проанализировали образ Суллы на материале *Bellum Jugurthinum*, показав те подчас весьма тонкие приемы, с помощью которых Саллюстий добивается на данном примере реализации своих художественных замыслов (в соответствии с ними, в частности, роль Суллы в событиях преувеличена). В. Шур рассмотрел вопрос об использовании мемуаров диктатора в «Югуртинской войне»³. Р. Сайм сделал немало интересных замечаний о Сулле в трудах Саллюстия и влияния его деятельности на творчество писателя⁴. Краткая, но интересная характеристика Суллы на основе анализа обеих монографий Саллюстия дана в работе А.Б. Егорова. Он указал, что Саллюстий солидаризовывался с добрыми намерениями диктатора, но осуждал результаты его деятельности⁵. М.Б. Даулинг проанализировала изображение Суллы в трудах историка с точки зрения понятия *clementia*⁶.

В этих и других работах прослежены многие особенности образа Суллы, его противоречивость, признание Саллюстием как добрых, так и дурных черт в характере диктатора, но возможности анализа, как мы надеемся показать, еще не исчерпаны. Без ответа, в сущности, остался важнейший вопрос: что, по мнению историка, превратило Суллу из положительного героя в отрицательного? Да и вообще целостное рассмотрение образа Суллы на протяжении *всех* трудов Саллюстия, насколько нам известно, до сих пор в историографии не проводилось. Оно и является предметом предлагаемой работы.

Деяния молодого Суллы описываются, как известно, в «Югуртинской войне». Он возникает на сцене уже в конце книги, причем его появление обставлено особым образом: «Тем временем квестор Луций Сулла прибыл в лагерь с многочисленной конницей, набранной в Лации и среди союзников, для чего он и был оставлен в Риме» (95. 1; пер. В.О. Горенштейна). «Об этом важном обстоятельстве⁷, – отмечает К. Бюхнер, – сообщается не тогда, когда шла речь о погрузке (армии) Мария и его приготовлениях [...] – там оно нарушило бы единую цепь фактов, касавшихся Мария, – но переносится сюда, где только и оказывается полезно для композиции, увязываясь с прибытием, а само прибытие приобретает совсем иной вес»⁸. Это наблюдение немецкого ученого хотелось бы дополнить. Дело, по-видимому, не только в нарушении линии повествования о Марии. Упоминание в тот момент о поручении Сулле набрать конницу было бы обычным, «техническим» фактом среди многих и отчасти превращало бы в таковой и сообщение о его прибытии в Африку (набрал – прибыл). Саллюстий же собирает все воедино и затем дает развернутую характеристику Суллы, прерывающую рассказ о войне на целых две главы. Все это делает его появление с кавалерией в Нумидии своего рода этапным, важнейшим для изложения событием, чем-то вроде прибытия Филоктета под Трою с луком Геракла.

Строго говоря, в характеристике будущего диктатора нет нужды в связи с его скромной ролью в цепи событий⁹. Однако, как объясняет Саллюстий, в

¹ Büchner K. Der Aufbau von Sallusts *Bellum Jugurthinum*. Wiesbaden, 1953. S. 58–63.

² Vretska K. Studien zu Sallusts *Bellum Jugurthinum*. Wien, 1955. S. 129–134.

³ Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 126–139.

⁴ Syme R. Sallust. Los Angeles etc., 1964. P. 372.

⁵ Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979. С. 120.

⁶ Dowling M.B. The Clemency of Sulla // *Historia*. 2000. 49. P. 313–316.

⁷ Оставление в Италии для набора конницы.

⁸ Büchner. Op. cit. S. 59.

⁹ Vretska. Op. cit. S. 130.

других местах (*alio loco*) о деяниях Суллы он говорить не намерен и потому рассмотрит его характер и образ жизни (*natura cultuque*) здесь. К тому же Луций Сизенна, наиболее подробно писавший о сулланской эпохе, в своих суждениях о диктаторе не был вполне беспристрастен (*parum mihi libero ore locutus videtur*) (95. 2). Необходим, таким образом, более объективный подход.

Что же считает нужным сообщить Саллюстий *de natura cultuque персонажа?* Сулла знатен, *gentis nobilis patriciae* (хотя и принадлежит к почти утратившей вес фамилии), блестяще образован (*litteris Graecis et Latinis iuxta atque doctissimi eruditus*). Весьма колоритны свойства его характера: он жаден до наслаждений, но еще больше до славы (*cupidus voluptatum, set gloriae cupidior*), на досуге он предается роскоши и удовольствиям, но они не отвлекают его от дел (*otio luxuriose esse, tamen ab negotiis numquam voluptas remorata*), он красноречив (*facundus*), хитер (*callidus*), легко заводит друзей (*amicitia facilis*), при необходимости умеет притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*), щедр, особенно на деньги (*multarum rerum ac maxime pecuniae largitor*). Отмечается, однако, и его небезупречность в семейной жизни (*nisi quod de uxore potuit honestius consuli*). «Никогда удача его не превосходила усердие, и многие не могли решить, более он храбр или счастлив (*numquam super industriam fortuna fuit, multique dubitavere, fortior an felicior esset*)». До победы в гражданской войне Сулла был счастливейшим из смертных¹⁰, но «что до его последующих поступков, то сам не знаю, – пишет Саллюстий, – стыдно или же тягостно будет мне о них говорить» (95. 3–4).

Затем Саллюстий указывает, что Сулла, прежде неопытный и несведущий в военном деле (*rudis antea et ignarus belli*), быстро постигает его (*sollertissimus omnium... factus est*). Он общителен, охотно заговаривает даже с солдатами, многим оказывает услуги, нередко по собственному почину (*per se ipse dare beneficia*)¹¹, чужие же принимает неохотно и быстро находит случай отблагодарить за них, стремясь лишь, чтобы как можно больше людей были ему обязаны. Сулла усерден в несении службы, причем, лишенный дурного честолюбия (*prava ambitio*), не задевает в разговорах доброго имени Мария и других командиров. Всем этим¹² «...он быстро приобрел величайшее расположение Мария и солдат» (гл. 96).

Эта характеристика чрезвычайно любопытна. Не раз уже отмечался явный контраст между Марием и Суллой: первый – выходец из простой семьи, второй – отпрыск аристократического рода; один с юных лет осваивал воинское искусство и презирал наслаждения, другой вел в молодости распутный образ жизни; Марий не отвлекался в юности на занятия изящной словесностью, Сулла – ее блестящий знаток¹³. Последний не страдает от *ambitio*, которая мучит его командующего (см. 64. 5). То, что квестор не порочит в разговорах военачальников, явно перекликается с противоположным поведением Мария, публично злословившего о Метелле (64. 5)¹⁴.

Что касается различия в происхождении, то оно, строго говоря, ничего не значит. Хотя Саллюстий и возлагал главную ответственность за кризис в го-

¹⁰ Ср.: «Имя Счастливого... Сулла заслужил бы в полной мере, если бы вместе с победой [в гражданской войне] закончилась и его жизнь» (*Vell. Pat. II. 27. 5*; пер. А.И. Немировичского).

¹¹ Ср. с характеристикой Цезаря: *Caesar beneficiis ac munificentia magnus habebatur* (*Cat. 54. 2*).

¹² М.Б. Даулинг усматривает в этом описании среди прочих достоинств Суллы и *clementia* (Ор. cit. P. 314), что, однако, кажется нам весьма вольной трактовкой текста.

¹³ См. *Vretska. Op. cit. S. 133*.

¹⁴ *Büchner. Op. cit. S. 59, 63; Vretska. Op. cit. S. 133*.

сударстве на нобилитет, он не считал, по-видимому, недостатком родовитость саму по себе. Ведь среди нобилей были не только ненавистные ему Катилина или Опимий, но и вполне достойные Метелл, Цезарь, Катон¹⁵. К тому же знатность военачальника всегда относилась к числу его достоинств¹⁶, о чем Саллюстий прекрасно известно (73. 4). Нелегко сказать, как смотрел писатель на различие между Марием и Суллой в уровне образованности. Историкограф с явным одобрением пишет о том, что homo novus из Арпина тратил время на воинские труды, а не занятия греческим красноречием (63. 1). Но вытекает ли отсюда, что образованность ставится в упрёк Сулле, как иногда считается¹⁷? Думается, ход мысли Саллюстия таков. Марий ставится в пример тем развращенным современникам, для которых знание греческой и латинской литературы заменяет virtus. Но само по себе это знание, как и родовитость, не является пороком, если не отвлекает от служения res publica. Сулле образование не помешало стать отличным воином. К. Вретска тонко замечает, что пример Суллы опровергает рассуждения Мария с его узким кругозором о превосходстве в военном деле опыта над знаниями (85. 12–13)¹⁸.

Особого внимания заслуживает тезис о воздержности Мария и любви к наслаждениям Суллы. Марий более традиционен, ибо свободен от склонности к роскоши и удовольствиям в принципе, как герои древности – Гай Фабриций или Курий Дентат. Зато Сулла, хотя и подвержен им, умеет совладать с ними, если того требует дело. А. Б. Егоров верно отмечает, что его «образ не совсем соответствует шкале ценностей автора»¹⁹ – важнейшее достоинство Суллы не в том, что он свободен от недостатков, а в том, что не дает им взять над собою верх. Никого другого Саллюстий такой чертой не наделяет²⁰. Тому же Марию это не под силу – не в состоянии обуздать гнев (ira) и страстное желание (cupido) стать консулом, он начинает вести себя недостойно по отношению к Метеллу (64. 5).

«Как и Марий, Сулла – любимец фортуны», – пишет Э. Тиффу²¹. Однако сходство здесь носит лишь самый общий характер. Саллюстий только один раз говорит о fortuna Суллы, зато дважды – о его felicitas. «Сулла именуется felix, и речь идет не о благосклонности fortuna – в этом случае было бы fortunatus, – но богов, чьи дары более надежны, чем дары капризной богини случая. Саллюстий же отвергает божественное влияние: для него успехи – результат industria, личной активности»²². Так и в отношении Суллы указывается, что его fortuna никогда не превосходила industria (Iug. 95. 4), которая, как отмечает Э. Тиффу, соразмерна fortuna и felicitas квестора²³. Нужно так-

¹⁵ См. Paananen U. Sallust's Politico-Social Terminology. Its Use and Biographical Significance. Helsinki, 1972. P. 88.

¹⁶ См. Махлаюк А. В. Nobilitas ducis в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 75–90.

¹⁷ См. Никушин В. О. «Варварство» и «цивилизация» в понимании Саллюстия // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира. Вып. III. М., 2000. С. 83–84.

¹⁸ Vretska. Op. cit. S. 133.

¹⁹ Егоров. Ук. соч. С. 120.

²⁰ Ср. характеристику Л. Пизона у Веллея Патеркула: «В его характере были смешаны энергия (vigor) и изнеженность (lenitas), и едва ли можно найти другого, кто бы больше любил праздность (otium) и столь же легко переходил к деятельности (negotium), кто бы больше, чем он, заботился о делах, не делая ничего напоказ» (II. 98. 3; пер. А. И. Немировского).

²¹ Tiffou E. Essai sur la pensée morale de Salluste à la lumière de ses prologues. Montreal – Paris, 1973. P. 455.

²² Vretska. Op. cit. S. 132.

²³ Tiffou. Op. cit. P. 456.

же отметить, что Марий ни разу не называется *felix*. Наконец, ему удача помогает исправлять допущенные им ошибки (94. 7), чего с Суллой не случается²⁴. Любопытно отметить, что прибытие квестора в Африку произошло, видимо, раньше, чем то изображает Саллюстий, т.е. до штурма Марием Мулукки²⁵. Эта хронологическая вольность позволяет писателю сделать сопоставление: Марий, чьи промахи (безуспешная поначалу осада Мулукки) исправляет *fortuna*, и Сулла, чья удачливость никогда не превосходит *industria*. Тот же мотив находит развитие в дальнейшем изложении (см. ниже).

Сулле присущи хитрость, ловкость (*callidus*)²⁶ и при необходимости – умение притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*) (95. 3), что несвойственно Марию. Эти черты иллюстрируются в рассказе о переговорах с Бокхом, закончившихся выдачей римлянам Югурты, когда Бокх и Сулла договариваются, как притвориться (*ad simulandum*), что они готовы заключить мир с Югуртой (111. 4). Думается, однако, что указание на *calliditas* и *simulatio* будущего диктатора обращено и к более поздним событиям – достаточно вспомнить слова Гнея Папирия Карбона о том, что он сражается со львом и лисицей, живущими в душе Суллы, но больше терпит от лисицы (Plut. Sulla. 28. 3).

Но все же между двумя полководцами немало и черт сходства. Оба прекрасные воины, охваченные стремлением к славе (Iug. 63. 2: *gloriae avidus* – Марий; 95. 3: *cupidus gloriae* – Сулла). И тот, и другой лишены *avaritia*, зато им присущи *animus ingens* и *industria* (Iug. 63. 2; 95. 3). Причем Сулла принадлежит к фамилии, почти утратившей влияние из-за бездеятельности предков (*maiorum ignavia* – 95. 3), тогда как сам он обладает противоположным качеством, т.е. *industria*. Здесь эта антитеза, характерная для Саллюстия (4. 3–4; 85. 1), выглядит весьма неожиданно: обычно писатель ставит предков в пример потомкам, здесь же происходит все наоборот.

Схожи полководцы и кое в чем иным. Кажется, еще не обращалось внимания на тот важный факт, что ни один из них, несмотря на все свои достоинства, не обладает *virtus*²⁷. В отношении Мария этот термин, правда, упоминается несколько раз. Но в одном случае ее приписывают арпинату агитирующие за него мятежные магистраты (*seditiosi magistratus* – 73. 5), в другом – он сам (85. 4), а в третьем – молва (92. 2). О Сулле ничего подобного вообще не говорится, речь идет то о *fortitudo*, то об *industria*, причем первая соперничает с *felicitas*, вторая – с *fortuna* (95. 4), само собой напрашивается сочетание *virtus* – *fortuna*²⁸, но слово *virtus* так и не произносится. В то же время носителем *virtus* является их главный противник – Югурта, правда, лишь до тех пор, пока он служит римлянам (6. 2; 8. 1; 9. 2). Неоднократно говорится о *virtus* простых воинов, как римских (52. 2, 6; 87. 3; 97. 5; 106. 3), так и нумидийских (58. 3; 62. 1). Почему же Саллюстий так строг к обоим римским полководцам? Неужели их нельзя считать доблестными воинами? Ответ, по-видимому, достаточно прост. За Югуртой, римскими солдатами и нумидийцами признается *virtus* в своем исходном, военном значении²⁹. Марию же и Сулле – людям, от которых в той или

²⁴ Büchner K. Sallust. Heidelberg. 1960. S. 307.

²⁵ Idem. Der Aufbau... S. 71; Syme. Op. cit. P. 148.

²⁶ По мнению К. Вретска, – скрытность (Op. cit. S. 131).

²⁷ К. Бюхнер, правда, оговаривается, что Марий у Саллюстия обладает *virtus* не в полной мере (Der Aufbau... S. 45).

²⁸ Как, например, у Веллея Патеркула (см. Christ K. Velleius und Tiberius // Historia. 2001. 50. S. 181, 183).

²⁹ Так, Цезарь постоянно пишет о *virtus* галлов и германцев (BG. I. 1. 4; 13. 4; II. 8. 1–2; 24. 4; III. 21. 1; VI. 24. 1; VII. 59. 5).

иной мере зависит судьба римского народа, вероятно, предъясняется счет с более строгой точки зрения, рассматривающей *virtus* как комплекс добродетелей *vir bonus*. Здесь Марий и Сулла оказываются в куда более уязвимом положении. Над ними тяготеет их будущее, ужасы гражданской войны, в которые они ввергли государство³⁰. «Если Югурта – внешний враг, и для него стремление нанести урон римлянам естественно»³¹, то другой подход к римским полководцам, чей долг – защищать отечество, а не ввергать его в пучину междоусобиц. Характерно, как именно осуждает Саллюстий обоих военачальников. О Марии он пишет: «Впоследствии его погубило честолюбие (*postea ambitione praeseps datus est*)» (63. 6). Утверждение, на первый взгляд, странное – ведь Марий умер, достигнув седьмого консульства и отомстив своим врагам, что отмечалось еще позднеантичными авторами (*Auct. de vir. ill.* 67. 6). Но противоречие это лишь кажущееся, ибо Марий своими злодеяниями погубил себя нравственно. А как говорил Платон, чье влияние на Саллюстия общеизвестно, «человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но особенно несчастлив, если уходит от возмездия» (*Gorg.* 472 e; пер. С.П. Маркиша).

А вот что пишет Саллюстий о Сулле: «Что же касается его дальнейших действий, то я сам не знаю, стыдно или же тягостно (*pudeat an pigeat magis*) будет мне о них говорить» (*Iug.* 95. 4). Это, бесспорно, куда более суровый отзыв, чем сдержанное замечание о Марии. Таким образом, оценка строится по контрасту: чем сильнее похвалы «раннему» Сулле, тем беспощаднее критика его позднейших поступков. Отметим, что и последнего писатель также считал счастливейшим до победы в гражданской войне (*loc. cit.*), т.е. до того момента, когда он стал творить беззакония – исходя, очевидно, из того же платоновского постулата.

Вернемся к событиям, описываемым в «Югуртинской войне». Саллюстий довольно подробно останавливается на участии Суллы в боевых действиях и особенно на его роли в выдаче Бокхом Югурты. Как уже давно замечено, у Диодора, Веллея Патеркула, Флора Сулла выполняет лишь «орудийную» функцию в деле захвата Югурты – Бокх просто передает ему нумидийского царя, сам квестор никаких дипломатических способностей не проявляет и опасности не подвергается. У Диона Кассия Сулла вообще не упоминается. Саллюстий же (и отчасти Плутарх) подробно описывает его поездки и переговоры с мавретанским правителем и, в свою очередь, умалчивает о мавретанском посольстве к Марию, который заявил, что не встретится с Бокхом, пока тот не выдаст Югурту (см. *Dio Cass.* XXVI. 89. 6). В. Шур склонен объяснять это влиянием мемуаров Суллы³², но следует помнить, что Саллюстий был волен в выборе источников. Правильнее, видимо, сказать, что писатель использовал воспоминания диктатора, потому что содержащийся в них материал соответствовал его художественному замыслу. Саллюстий также игнорирует то обстоятельство, что соглашение о выдаче Югурты римлянам было, по-видимому, заключено еще до прибытия квестора³³, – видимо, писателю важно показать роль Суллы и главное – качества, которые он при этом проявляет.

³⁰ См. *Büchner. Der Aufbau...* S. 59, 62; *Syme. Op. cit.* P. 176.

³¹ *Егоров. Ук. соч.* С. 122.

³² *Schür. Op. cit.* S. 129–130.

³³ *Büchner. Der Aufbau...* S. 71; *Tiffou. Op. cit.* P. 458.

Особенно показательно поведение Суллы при переговорах с Бокхом. При этом Саллюстий подчеркивает, что последний все никак не мог решить, «кого кому предать: Югурту римлянам или Сулле» Югурте (108. 3). Тем не менее квестор дважды приезжает к мавру и с достоинством ведет себя, требуя выдачи нумидийского царя.

Исключительно интересна речь Суллы к Бокху (102. 5–11), которую он произносит как более красноречивый, чем его коллега по посольству Авл Манлий, превосходящий его по возрасту (*Sulla, cuius facundiae, non aetati a Manlio concessum* – 102. 4). Оратор именует Бокха «выдающимся мужем (*talis vir*)» и «наилучшим из людей (*optimus omnium*)». Вполне в духе римской внешнеполитической концепции Сулла заявляет, будто Рим предпочитает искать себе друзей, а не рабов, что безопаснее править подчиняющимися добровольно, а не по принуждению (*tutiusque rati volentibus quam coactis imperitare*). Бокху выгодна дружба с Римом, ибо последний далеко и причинить вреда ему не может, зато услуги окажет такие, словно находится рядом. То, что царю пришлось испытать на себе силу Рима, а теперь и его милость (под нею подразумеваются переговоры), было, видимо, угодно Фортуне, и пока она благосклонна, надо продолжать начатое и идти навстречу желаниям римлян. «Запомни хорошенько: еще никто никогда не превосходил римского народа своими благодеяниями, а насколько он силен на войне, ты знаешь сам (*bello quid valeat, tute scis*)», – говорит Сулла в заключение.

Эта речь – блестящий образец «*facundia* умелого дипломата, который за словами скрывает свои истинные убеждения»³⁴. Его похвалы царю трудно воспринимать всерьез, если вспомнить весьма скептический отзыв Саллюстия о Бокхе (см. 88. 6). То же касается и рассуждений о благодеяниях римлян³⁵, ибо Адгербал погиб, так и не получив от них помощи. Сулла «строит золотой мост царю тем, что его вину (войну с римлянами. – А.К.)... приписывает фортуне, и завершает угрозой – *bello quid valeat, tute scis!*»³⁶. Под конец Сулла словно срывает маску со своих велеречивых рассуждений, давая понять, каков его *ultima ratio*, если царь не хочет внять доводам разума.

Бокх (его ответ дан с помощью косвенной речи), оправдывается, говорит о готовности отправить послов в Рим. Но... тотчас меняет свое решение по совету друзей, подкупленных Югуртой. Иначе говоря, об успехе Суллы говорить не приходится. Тем временем римляне осаждают одну из крепостей Югурты, и Бокх предпочитает отправить послов к Марию, а затем, если тот позволит, и в Рим. По дороге послов грабят гетулы, и лишь после этого они прибывают в римский лагерь, где Мария в тот момент замещает Сулла. Он обходится с ними милостиво, хотя они, «вероломные враги (*vani hostes*)», заслуживают кары. «Варвары пришли к выводу, что слухи об алчности римлян неверны и что Сулла, столь добрый к ним, их друг» (103. 2–7). Таким образом, он проявляет благоразумную мягкость³⁷, и именно его вскоре просит Бокх прислать для новых переговоров, на сей раз уже о выдаче Югурты. Но отметим и другое: от-

³⁴ *Vretska*. Op. cit. S. 78.

³⁵ Между тем они вполне в духе внешнеполитической концепции римлян и самого Саллюстия (см. *Cat.* 6. 5; 9. 5; *Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell im *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993. S. 66–67, 99, 102–103).

³⁶ *Vretska*. Op. cit. S. 78.

³⁷ См. *Короленков А.В.* Саллюстий и гуманность: несколько замечаний // *Studia historica*. Вып. II. М., 2002. С. 121.

куда мог знать Сулла о вероломстве мавров? Ведь оно осталось, так сказать, на теоретическом уровне и не воплотилось в конкретные действия. Имело ли оно место вообще? Вероятно, нет, но признать – это значит «развенчать» действия квестора: какая доблесть в том, что он милостиво обошелся с послами, с которыми по-иному обходиться и не принято? Не исключено к тому же влияние рассказа Полибия о Сципионе Старшем, который отпустил карфагенских послов, хотя сами карфагеняне устроили нападение (правда, неудачное) на римское посольство (XV. 4. 5–12). Сходство не только ситуативное, но и географическое – в обоих случаях действие происходит в Северной Африке.

Итак, вскоре Сулла вновь отправляется к Бокху. По пути он внезапно оказывается в опасной близости от лагеря Югурты. Квестор и его спутники уверены, что их предал сын царя Волукс, едущий с ними, но Сулла не убивает его и даже принимает совет царевича, как проехать через лагерь Югурты. Это помогает римлянам уйти невредимыми (106–107). Как видим, Сулла попадает в опасное положение не по своей вине³⁸ и при этом проявляет выдержку и рассудительность. Эпизод как бы иллюстрирует мысль о том, что судьба помогает лучшим (*fortuna meliores sequitur*) (Hist. I. 77. 21; ср.: Jug. 1. 5)³⁹.

И вот Сулла вновь встречается с Бокхом. И опять царь колеблется: «Пристрастие (*lubido*) настраивало его против нас, опасения (*metus*) – в нашу пользу» (108. 3). Он произносит перед римлянином речь, полную риторических прикрас. Бокх называет себя величайшим из известных ему царей, словно соглашаясь с лестью Суллы (102. 5), и говорит, что помогал многим – кому по их просьбе (*orantibus*), кому по собственному почину (*ultro egomet*), сам же ни в чьей помощи не нуждался. Теперь же он сам благодарен частному лицу (*privato homini*), т.е. Сулле⁴⁰, чего никогда не ожидал, но не хочет уступить ему в щедрости (*municentia*), что для царя больший позор, чем уступить в сражении. Поэтому Бокх готов выполнить любое пожелание Суллы. Что же касается главного, то он вступил в войну с римлянами только для защиты своих владений и готов перестать поддерживать Югурту и не претендовать на ту часть Нумидии, которую ему обещал ее царь. Впрочем, если у Суллы есть какие-либо иные просьбы, достойные Бокха, он также исполнит их (гл. 110).

Ответ Суллы, переданный в форме косвенной речи, краток и деловит. Если Бокх хочет доказать свою лояльность римлянам, то должен совершить нечто выгодное им, а не ему, конкретно же – выдать Югурту. Тогда он получит ту часть Нумидии, которую ему обещал Югурта (и от которой только что сам готов был отказаться) (111. 1).

Получается чрезвычайно интересная перекличка с первыми переговорами Суллы и Бокха (102. 5–15), прежде не отмечавшаяся в литературе: тогда речь, полную риторических ухищрений, произносил римлянин, ответ же, переданный в косвенной форме и содержащий лишь деловую информацию, давал мавр, теперь же (110–111. 1), как следует из изложенного, они меняются местами. То есть стилистическими средствами демонстрируется своего рода равновеликость обоих персонажей. Усматривается она и в другом: Бокх говорит о себе, что многим помогал как по их просьбе, так и по своему почину, и не может допустить, чтобы кто-то превзошел его щедростью. Но ведь примерно то же самое, хотя и другими словами, сказано и о Сулле (95. 3; 96. 2). Да и в

³⁸ В отличие от Мариа, склонного к необдуманным действиям (92. 2; 94. 7).

³⁹ См. об этом мотиве: *Büchner*. Sallust. S. 308.

⁴⁰ Сулла только что спас его сына, которого другие римляне готовы были убить.

притворстве мавр и римлянин не уступают друг другу, о чем говорят их речи, свидетельствующие о красноречии, а не об искренности ораторов.

Неудивительно, что результаты увещаний Суллы оказываются, по сути, равны нулю. После первых переговоров Бокх готов направить послов к Марию, затем меняет решение и вновь возвращается к прежнему. Аналогичная ситуация и во втором случае: царь, выслушав ответ Суллы, поначалу отказывается, ссылаясь на узы родства и союз с Югуртой, но затем уступает. Но уже в 113. 1 Бокх вновь меняет свое решение, обещая Югурте выдать Суллу⁴¹. Он сулит каждому из них, что чего они желают, и оба, римлянин и нумидиец, уверены в успехе (113. 2)⁴². Накануне решающего дня царь вновь мучим сомнениями, собирает друзей для совета, сразу же их отпускает и наедине с собой в тиши ночи долго размышляет, как все-таки поступить. Наконец он принимает решение в пользу Суллы, и на следующий день Югурта становится пленником римлян (113. 3–6). Как видим, Саллюстий прямо-таки назойливо подчеркивает непостоянство мавра. Ненадежный, едва ли не поминутно меняющий планы Бокх – олицетворение *fortuna*, с которой и состязается Сулла и которой не уступает его *industria*. *Fortuna meliores sequitur*.

Таков Сулла в «Югуртинской войне». Несомненно, здесь он выступает как положительный персонаж. Но тем разительнее перемена, которую мы наблюдаем в других произведениях Саллюстия, причем эту перемену он осознавал с самого начала, ибо «Заговор Катилины» был написан раньше «Югуртинской войны».

Обратимся к тексту этих сочинений. Историограф пишет, что именно «...после единовластия (*dominatio*) Луция Суллы (Катилину) охватила жажда власти над государством (*lubido maxuma... rei publicae capiundae*)» (Cat. 5. 6). «Когда Луций Сулла, силою оружия захватив власть в государстве, после хорошего начала закончил дурно (*postquam... bonis initiis malos eventus habuit*), все начали хватать, тащить... Победители не знали ни меры, ни сдержанности (*neque modum, neque modestiam victores habere*), совершали против граждан отвратительные и жестокие преступления. К тому же Луций Сулла, дабы сохранить верность войска, во главе которого он стоял в Азии, вопреки обычаю предков содержал его в роскоши и чересчур вольно (*luxuriose nimisque liberaliter*)... Суровые воины, живя в праздности (*in otio*), быстро развратились. Там впервые войско римского народа привыкло предаваться любви, пьянствовать, восторгаться статуями, картинами, чеканными сосудами, похищать их... грабить святилища, осквернять все посвященное и не посвященное богам. Таким образом, эти солдаты, одержав победу, ничего не оставили побежденным. Ибо удача ослабляют дух даже мудрых. Как люди с испорченными нравами могли остаться умеренными после победы (*ne illi corruptis moribus victoriae temperarent?*)» (11. 4–8).

Как видим, против Суллы выдвигается целый ряд тяжелых обвинений. Ведь правитель, по мысли Платона, чьи идеи так охотно заимствовал римский историк, обязан заботиться прежде всего о добрых нравах граждан (Plato. *Gorg.* 515a – 522e). А «...для Саллюстия сулланский период означал время моральной деградации, если вообще не резкой перемены к худшему»⁴³. Падение нравов началось раньше (Iug. 41. 1–3), но эпоха Суллы выводит его на качественно новый уровень. В чем это проявилось? Прежде всего в том, что была утрачена

⁴¹ По остроумному замечанию К. Вретска, что Сулле Бокх *promittit*, Югурте – *promisit*, и презенс в первом случае звучит куда коварнее, чем перфект во втором (Op. cit. S. 82).

⁴² Поэтому вряд ли прав В. Шур, когда пишет, что «римлянин до последнего момента опасается за исход своего предприятия» (Op. cit. S. 133).

⁴³ *Paananen*. Op. cit. P. 68; *Schur*. Op. cit. S. 77.

мера. Прежде пороки развивались постепенно (*paulatim*) (10. 6), теперь же была утрачена мера (*neque modum neque modestiam*), все стали «хватать» (*garere*), «тащить» (*trahere*), т.е. действовать нагло и открыто, чего раньше все-таки не было. Причем это имеет как внутри-, так и внешнеполитический аспект – если раньше побежденных лишали лишь права поступать несправедливо (*iniuriam facere*) (12. 5), то теперь им не оставлено ничего (*nihil*) (11. 7)⁴⁴.

Осуждается, хотя и не столь подчеркнуто, и образ действий Суллы, который захватил власть в государстве оружием (*armis recepta re publica*) и установил единовластие (*dominatio*)⁴⁵, – обвинение также весьма тяжкое, предъявляемое наряду с обвинениями в *tyrannis* и *regnum*⁴⁶. Правда, Сулла поначалу действовал хорошо, но результаты оказались дурными (11. 4). В речи Цезаря это положение конкретизируется: «Когда на нашей памяти Сулла после своей победы приказал удавить Дамасиппа и других подобных ему людей, возвысившихся на несчастьях отечества, кто не восхвалял его поступка? Все говорили, что преступные и властолюбивые люди (*homines scelesti et factiosi*) ... казнены заслуженно. Но именно это и было началом большого бедствия (*magnaе iniuriam cladis*): стоило кому-нибудь пожелать» чужого имущества, «как он старался, чтобы владелец оказался среди проскрибированных. И вот тех, кого обрадовала смерть Дамасиппа, вскоре начали хватать, и казни прекратились только после того, как Сулла щедро наградил своих сторонников» (51. 32–34). Диктатор, таким образом, проявляет жестокость по отношению к согражданам лишь ради того, чтобы насытить алчность своих сторонников. Давно уже подмечено, что Саллюстий, говоря о проскрипциях Суллы, явно намекал на еще более кровавый террор триумвиров⁴⁷. Таковы были последствия примера, поданного Суллой. Им вдохновляется и злодей Катилина, стремящийся захватить власть в государстве (5. 6). Впрочем, не он один – «многие вспоминали победу Суллы, видя, как одни рядовые солдаты (*gregarii milites*) стали сенаторами, другие – столь богатыми, что вели царский образ жизни; каждый надеялся, что он, взявшись за оружие, извлечет из победы такую же выгоду» (37. 6). Да и «большинство солдат Суллы (*plerique Sullani milites*), прожив свое имущество и вспоминая грабежи и бывшие победы, жаждали гражданской войны» (16. 4). В то же время к Катилине готовы примкнуть и те, кто «при господстве Суллы (*Sullae dominatione*) лишился земель и всего своего состояния (*agros bonaque omnia*)» (28. 4). Вместе оказываются палачи и жертвы, только одни хотят нажить новые богатства, а другие – вернуть утерянное, *res publica* же оказывается в порочном круге непрерывной смуты.

Что касается «Истории», то здесь Саллюстий предваряет изложение событий 78–67 годов до н.э. (основное содержание труда) рассказом о предшествующих годах, в том числе и гражданской войне. Таким образом, если в *Bellum Iugurthinum* (95. 2) историк утверждает, что в других местах не собирается писать о Сулле (*alio loco de Sullae rebus dicturi sumus*), то здесь он отступает от этих слов⁴⁸. В конце пролога к *Historiae*, видимо, содержалась характеристика диктатора⁴⁹. К таковой обычно относят фрагменты I. 58–61⁵⁰. Наиболее вероятно это в отношении I. 58 и 61, ибо I. 59–60 слишком некон-

⁴⁴ См. также *Heldmann*. Op. cit. S. 114–115.

⁴⁵ А не занял «положение *princeps*'а», как пишет А.Б. Егоров (Ук. соч. С. 120).

⁴⁶ *Earl D.* The Moral and Political Tradition of Rome. London – Southampton, 1967. P. 59.

⁴⁷ См., например: *Pöschl V.* Grundwerte römischer Staatsgesinnung in den Geschichtswerke des Sallust. B., 1940. S. 83. Anm. 3.

⁴⁸ *Syme*. Op. cit. P. 179–182.

⁴⁹ *Tiffou*. Op. cit. P. 493.

⁵⁰ *Syme*. Op. cit. P. 180. Not. 6.

кретны и могут быть отнесены к самым разным лицам. Текст же I. 58 и 61 таков: «Вообще стыдно говорить о стольких позорных качествах такого выдающегося мужа (mox tanta flagitia in tali viro pudet dicere)» (ср. Jug. 95. 4); Сулла, «...вводя для сограждан законы о браке и умеренности, сам предавался сластолюбию и распутству (ἐρῶν καὶ μοιχεύων)» (I. 61 = Plut. Sulla. 41. 5; пер. В.М. Смирин; ср. Plut. Sulla. 2. 2–4)⁵¹. В других репликах говорится о *dominatio Sullae* (I. 31, 57). Народный трибун Лициний Макр сравнивает прежние времена, когда плебеи с помощью сецессий успешно отстаивали свои права, с нынешними, когда Сулла вверг их в рабство (*saevitium*), а также отмечал, что надежды на прекращении бедствий (*malum*) со смертью диктатора не оправдались – появился еще более жестокий Катул (*longe saevior Catulus*) (III. 48. 1, 9). «Таким образом, – замечает по этому поводу М.Б. Даулинг, – жестокость Суллы оказывается мерилем прочих проявлений *saevitia*, из чего видно, что для Саллюстия во время работы над «Историей» Сулла выступает как *exemplum свирепости*»⁵².

Но особенно подробно характеризуется Сулла в речи Лепида (I. 55). Диктатор обвиняется в тирании (*tyrannis*) (§ 1, 7, 22), гнусности (*intestabilior*) (§ 1), жестокости (*crudelitas*) (§ 5), преступлениях (*scelus*) (§ 7, 19). «Он, на человеческой памяти единственный, придумал казни для будущих поколений, которым бесправие (*iniugua*) определено раньше, чем жизнь» (§ 6)⁵³; «Он пал так низко, что считает достославным (*gloriosa*) только то, что безопасно (*tutum*), а все, что обеспечивает ему господство (*dominatio*) – почетным (*honesta*)» (§ 8); «Во власти одного человека законы, правосудие, государственная казна, провинции, цари – словом, право жизни и смерти над гражданами» (§ 13). И последний штрих: Сулла лишь кажется счастливым (*videri felicem*) (§ 20) – знакомый платоновский тезис о том, что не может быть счастлив злодей (см. выше).

Хотя Саллюстий отрицательно относится к Лепиду, чьи действия могут «привести только к возобновлению насилия»⁵⁴, но многое в этих обличениях отражает взгляды писателя⁵⁵. Во многом обвинения в адрес Суллы в речи Лепида сходны с тем, что инкриминируется знати, осуществляющей над народом тираническое господство (*dominatio*) и попирающей его права (см. Cat. 20. 7; 23. 6; Jug. 31. 20; 41. 7)⁵⁶. Успех Суллы оказывается не победой нобилитета⁵⁷ – напротив, знать сама оказывается в рабстве (*servitium*) у диктатора (Hist. I. 55. 2–3), – а сменой хозяина, который оказывается во многом хуже прежнего, недаром Лепид неустанно подчеркивает беспрецедентность злодеяний нового властителя Рима.

Но вот что любопытно и что до сих пор ускользало от внимания исследователей: все это в принципе не противоречит сказанному о Сулле в «Югуртинской войне». Его храбрость, красноречие, общительность, удачливость, умение отказаться от наслаждений в пользу дела под сомнение не ставятся. Упрек в сладострастии (I. 61) перекликается с замечанием о недостойном поведении в семейной жизни (Jug. 95. 3). Новое здесь, пожалуй, лишь то, что Сулла уличен в несоответствии своих законов о браке собственному развратному пове-

⁵¹ Видимо, именно эти пороки Суллы, а не его жестокость имелись в виду в I. 58 (*Maurenbrecher B. Commentarii // Sallustii Crispi historiarum reliquiae. Fasc. II. Lipsiae, 1893. P. 28*).

⁵² *Dowling. Op. cit. P. 315.*

⁵³ Речь идет о лишении прав детей проскриптов.

⁵⁴ *Paananen. Op. cit. P. 83.*

⁵⁵ *Егоров. Ук. соч. С. 119.*

⁵⁶ *Earl D. The Political Thought of Sallust. Amsterdam, 1966. P. 106–107.*

⁵⁷ *Paananen. Op. cit. P. 68.*

дению. Вероятно, это был один из тех пассажиров, который дал основания Варрону упрекнуть самого писателя-моралиста в противоречии между его словами и делами⁵⁸.

Каков же итог? Что изменилось, по мнению Саллюстия, в характере Суллы? Ведь он не утратил своих положительных качеств, недаром автор признает его «выдающимся мужем (*vir talis*)». Изменилась цель его действий. Катилина также обладает многими достоинствами, но они направлены на захват власти в государстве⁵⁹. Но если он изображен негодяем с самого начала, то о Сулле этого сказать нельзя (заметим, что в характеристиках обоих персонажей немало общего: оба обладают большой силой духа, красноречием, легко заводят друзей, щедры, умеют притворяться, ср. *Cat.* 5. 1; 14; *Iug.* 95. 3 – 96. 2). Для Катилины попытка захватить власть – лишь закономерный итог его прежней порочной жизни. Что же касается Суллы, то его *cupido dominandi* вырастает из вполне похвального *cupido gloriae*⁶⁰. И когда страсть к господству берет верх, достоинства обращаются в недостатки, ибо направлены на достижение преступной цели. «То, что хорошо у “своих”, плохо у “чужих”»⁶¹. Удачливость и активность помогают ему захватить власть, а щедрость проявляется теперь за счет проскриптов. И поэтому, повторим уже сказанное, чем выше похвала Сулле в начале его деятельности, тем суровее порицание в конце.

SULLA IN SALLUST'S WORKS

A.V. Korolenkov

Sulla is the only character mentioned in all the three works of Sallust. But an integral analysis of Sulla's figure in all these works has not yet been undertaken.

Sulla receives closest attention in *Bellum Iugurthinum*, where he plays a certain role at the final stage of the war. He is given a detailed laudatory characteristic pointing out his *facundia*, *cupiditas gloriae*, *calliditas* and *largitio*. Notably, Sulla is not free of shortcomings, but he is able to overcome them – he is the only one of Sallust's characters to receive such an appraisal. Sallust writes that Sulla's *fortuna* never surpassed his *industria*, but he does not mention his *virtus*, though juxtaposition of *virtus* and *fortuna* would only be natural. This is not accidental: the writer does not acknowledge Marius' *virtus* either, for both these military leaders plunged Rome into civil war.

Sulla's outstanding qualities are revealed during his negotiations with Bocchus, but a closer analysis proves that it was not under the influence of Sulla's diplomatic art that Bocchus took the decision in favour of the Romans. Bocchus is shown constantly hesitant and changeable as *fortuna* herself – and it is with her that Sulla is fighting in Bocchus' person. His success is well deserved, though, which illustrates one of the writer's points: *Fortuna meliores sequitur*.

In *Coniuratio Catilinae* and *Historiae* the dictator is described in purely negative terms: he is not just a tyrant, but the one whose activities accelerate moral degradation of the society. But essentially, his former virtues are never denied. The point is that he was overwhelmed by *cupido dominandi*, and so his virtues served evil purposes. Thus, the more he is praised in *Bellum Iugurthinum*, the more severely he is censured in *Coniuratio Catilinae* and *Historiae*.

⁵⁸ «Гай Саллюстий, автор серьезного и сурового труда, "Истории", в которой мы видим, как он раздает направо и налево цензорские замечания, был застигнут Аннием Милоном за предубодеянием, сильно избит плетьюми и отпущен лишь после того, как откупился деньгами» (*Gell.* XVII. 18; пер. А. В. Короленкова).

⁵⁹ Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 163–164.

⁶⁰ О метаморфозе такого рода см. *Heldmann*. *Op. cit.* S. 38–40.

⁶¹ *Егоров*. Ук. соч. С. 117.